

щейся, интерактивной коммуникации, свидетельствующей о становлении «нового этапа информационного общества, который связан как с развитием мобильной связи, так и с созданием мультимедийных ресурсов, которые доставляют достаточно оперативную и более тщательно отработанную информацию, облеченную в новую упаковку», – пишет профессор Я.Н. Засурский [4, с. 10].

Следовательно, появляется больше возможностей для реализации образовательной функции. Виртуальная среда позволяет размещать в неограниченном количестве публикации на темы образования. Появляются не лимитированные эфирным временем образовательные программы и увеличивается число Интернет-ресурсов, специализирующихся на формальном и неформальном образовании, воплощая в жизнь идею непрерывного образования. Эффективное решение многих задач, связанных с образованием, и, прежде всего, в сфере журналистики, требует постепенного отказа от вещательной парадигмы и перехода к диалоговой схеме общения с аудиторией.

Диалог становится основной формой журналистского контента. Более того, журналист и герой его произведения в интернет-ресурсе могут присутствовать одновременно, и тогда пользователь этой информации получает не готовый продукт в виде очерка или интервью, а присутствует при процессе их общения. Он может стать и соучастником этого общения, что позволяют быстро изменяющиеся технические условия.

УДК 811.161.1

И именно коммуникационная составляющая как данность любого образовательного процесса сменила акценты в сотрудничестве медиа и системы образования. Не умаляя роли в этом взаимодействии традиционных средств массовой информации, как печатных, так и электронных, предпочтение все-таки стало отдаваться Сети. Очевидно, что этому способствовало постоянная генерация и воспроизводство интегративных потребностей человека, приводящих к изобретению и внедрению актуальных способов коммуникации.

Литература

1. Баткин, Л.М. Итальянские гуманисты: стиль жизни, стиль мышления / Л.М. Баткин. – М., 1978.
2. Гадамер, Г.-Г. Философия и литература / Г.-Г. Гадамер // Актуальность прекрасного. – М., 1996.
3. Егоров, В.В. На пути к информационному обществу / В.В. Егоров. – М., 2006.
4. Засурский, Я.Н. СМИ вступает в эпоху мобильной коммуникации / Я.Н. Засурский // К мобильному обществу: утопии и реальность. – М., 2009.
5. Ионин, Л.Г. Социология культуры / Л.Г. Ионин. – М., 1996.
6. Малиновский, Б. Научная теория культуры / Б. Малиновский. – М., 1999.
7. Территории инновационного развития / под науч. ред. А.А. Сотникова. – М., 2010.
8. Философский энциклопедический словарь / ред. кол.: С.С. Аверинцев и др. – М., 1989.

С.Ю. Лаврова, А.С. Виноградов

ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ В НАУЧНОМ ТЕКСТЕ КАК ОБЛАСТЬ РЕАЛИЗАЦИИ АСПЕКТА АВТОРСКОГО «Я»

Статья посвящена рассмотрению интертекстуальности в научных лингвистических текстах. В статье рассматривается процесс приращения смысла. Затрагивается вопрос о различной дискурсивной природе имеющихся в научных текстах цитат.

Интертекстуальность, цитата, дискурс, научный текст, приращение смысла.

The article is devoted to the intertextuality in the scientific linguistic texts. This article considers the process of incremental sense. The issue of different discursive nature of the available citations in the scientific texts is touched upon in the paper.

Intertextuality, quotation, discourse, scientific text, increment meaning.

Настоящая статья посвящена рассмотрению интертекстуального взаимодействия как области реализации аспекта авторского «я». Целью данной работы является освещение следующих вопросов, связанных с проблемой описания авторского аспекта интертекстуальности:

- 1) состав единиц, формирующих систему интертекстуальности научных текстов;
- 2) интертекстуальное взаимодействие как источник сведений об авторском аспекте.

В качестве материала для анализа выступает ряд

научных текстов известного отечественного лингвиста Нины Давидовны Арутюновой [1]. Научные тексты Н.Д. Арутюновой, созданные в рамках направления «Логический анализ языка», имеют значительное количество интертекстуальных связей, как с научными текстами, так и с художественными, религиозными и некоторыми другими.

В предлагаемой статье останавливаемся на ряде вопросов, продиктованных задачами рассмотрения авторского аспекта интертекстуальности:

- 1) проблеме совмещения в научных текстах ин-

тертекстуальных включений, относящихся к различным дискурсам;

2) особенностях механизма интертекстуального взаимодействия.

Аспект авторского «я» является одним из компонентов, входящих в систему «Дискурс – Текст – Интертекстуальность». Прежде чем обратиться непосредственно к интертекстуальному взаимодействию, следует охарактеризовать соотношение компонентов данной системы. Понятие «научный дискурс» непосредственно связано с понятием «научный текст»: анализ последнего с учетом ряда параметров представляет собой анализ научного дискурса [8]. Интертекстуальность является в свою очередь текстовой категорией [7] и принадлежит научному тексту как продукту научного дискурса. В системе «Научный дискурс – Научный текст – Интертекстуальность» последний компонент в высокой степени зависит от дискурсивных закономерностей научного текста. Кроме того, велика роль содержательной стороны таких текстов, определяющей широту межтекстовых отношений. Дискурсивные закономерности оказывают влияние как на внутреннюю сторону интертекстуального взаимодействия (приращение смысла), так и на внешнюю сторону (соответствующее оформление «чужих» элементов). Особенность тематики и содержания рассматриваемых научных лингвистических текстов Н.Д. Арутюновой обуславливают наличие интертекстуальных связей, имеющих различную дискурсивную природу. Различная дискурсивная принадлежность интертекстуальных связей существенным образом сказывается на их анализе. Складывается ситуация, при которой часть интертекстуальных связей научных текстов функционирует в рамках научного дискурса, часть – выходит за эти рамки и связывает тексты Н.Д. Арутюновой с художественными, библейскими текстами.

Последнее обстоятельство представляет особую сложность и поэтому нуждается в отдельном комментарии. Интертекстуальные связи научных текстов с художественными и религиозными текстами, размыкающие рамки научного дискурса, в своем функционировании подчинены закономерностям принимающих текстов научного дискурса. В данном случае встает вопрос о содержании понятий «художественный дискурс» и «религиозный дискурс». В этом вопросе следует, по-видимому, различать *частный* и *общий* аспекты: например, художественный дискурс вообще как таковой и художественный дискурс, мыслимый в конкретном воплощении, в ряде конкретных текстов. В данной статье актуален именно этот последний аспект, так как речь идет о конкретных *единицах интертекстуальности* (далее – ЕИ), в число которых входят различные виды цитации, выделяемые исследователями [8], [9]. Соответственно, если художественный дискурс (как и религиозный) мыслится в конкретной реализации, встает закономерный вопрос о правомерности и адекватности таких формулировок, как, например, «дискурс Достоевского». По-видимому, в подобных случаях необходимо учитывать наличие в понятии «дискурс» *сущностной* и *инструментальной* состав-

ляющих: первая определяет главную идею, мысль, касающуюся дискурса; соотнесенная с ней вторая составляющая относится уже к практике описания конкретного дискурса. Обратимся к определению дискурса, данному в Большом энциклопедическом словаре «Языкознание» [11]. В определении нас главным образом интересует сущностная составляющая понятия «дискурс», которая, как кажется, способна снять некоторые существенные затруднения. Эта составляющая выражается в том высказывании, где дискурс определяется как «речь, “погруженная в жизнь”» [11, с. 137].

В данном высказывании кажутся существенными и взаимосвязанными следующие аспекты:

1) идея «погруженности» как состояния нахождения языкового явления в определенной среде;

2) наличие временного параметра, являющегося прямым следствием нахождения языкового явления в данной среде.

Временной параметр, по-видимому, следует считать одним из фундаментальных сущностных параметров дискурса. Таким образом, если обращаться к текстам Ф.М. Достоевского как к *дискурсу*, то следует признать за данными текстами (как продуктами речевой деятельности) их «погруженность в жизнь». Учитывая объективные особенности среды нахождения языкового явления, ее связь со временем, постоянное изменение и движение вперед – с одной стороны, и фиксированный характер порожденных текстов – с другой, следует заключить, что тот или иной текст, созданный в далеком прошлом, может быть «погружен»:

1) в самого себя как в явление, отражающее момент жизни, в который данный текст создавался и был создан;

2) в современный момент времени, обуславливающий экстралингвистическое окружение данного текста.

Погруженность текста «в себя» является, по-видимому, свойством, состоящим в способности текста актуализировать собственные содержательные стороны, касающиеся отражения данным текстом первичной экстралингвистической действительности в условиях текущего момента времени. Сама система текста и существующие в ней отношения между единицами разных уровней как бы указывают на свои дискурсивные корни. Это выражается, возможно, в том, что *отношения между какими-либо единицами текста начинают приобретать дополнительные функции, которыми они раньше не обладали*. Например, встречающееся в текстах Ф.М. Достоевского обращение «Милостивый государь!» в современный момент времени уже не только обозначает собственно обращение (даже с учетом его контекстуальной обусловленности), но и свидетельствует о закономерностях построения дискурса. Если в прежнее время смысловой потенциал названного обращения мог быть направлен во внешнюю среду, находя в ней соответствия, то в текущий момент времени происходит *переориентация этого потенциала в пространство самого текста*. Погруженность текста «в себя» – это как бы процесс порождения дис-

курса «наоборот»: от функционирования единиц текста к дискурсу. Таким образом, «дискурс Достоевского» с учетом временного параметра кажется целесообразным понимать как функционирование текстов в процессе протекания времени, предполагающее две стороны: фиксированную в виде текстов и переменную в виде экстралингвистических факторов. При этом сами экстралингвистические факторы необходимо понимать в двух аспектах, а именно как:

1) нашедшие то или иное отражение в тексте первичные экстралингвистические факторы;

2) составляющие актуальное окружение текста в текущий момент времени сопутствующие экстралингвистические факторы.

К числу последних в нашем случае относятся экстралингвистические факторы научного дискурса: они в совокупности с дискурсивными закономерностями научного дискурса обуславливают специфику процесса интертекстуального взаимодействия. При этом они равным образом воздействуют как на элементы «чужих» текстов, относящихся к научному дискурсу, так и на элементы текстов других дискурсов. Аспект авторского «я» может, по-видимому, раскрываться при анализе системы этого взаимодействия.

Важнейшим результатом функционирования этой системы интертекстуального взаимодействия является *приращение смысла* [7]. Субъект (языковая личность ученого), по-видимому, может управлять процессом приращения смысла посредством регулирования интертекстуального взаимодействия. Средствами к этому регулированию могут служить:

1) дискурсивные закономерности;

2) использование определенных языковых единиц и средств внутри этих закономерностей.

Попробуем более подробно изложить вышесказанное. Начать следует с понятия «смысл». Сложнейшее понятие «смысл» в науке функционирует в широком и узком употреблении. В узком употреблении «смысл» трактуется как «<...> понятие, характеризующее содержание языковых выражений» [10, с. 878]. При этом отмечается связь смысла с конкретным употреблением языковой единицы [2], [4], [5]. Кроме того, исследователи говорят и о смысловой структуре текста [7]. ЕИ находятся во взаимодействии со смысловой структурой принимающего научного текста. Очевидно, что это взаимодействие протекает не напрямую: существует стадия, на которой и происходит собственно взаимодействие. В связи с этим кажется целесообразным говорить о наличии *общего текстового смысла* (далее – ТС) и *аспектов* этого смысла. ЕИ взаимодействуют именно с аспектами этого общего ТС. Намерение использовать интертекст, реализуемое в процессе текстопорождения, позволяет предполагать существование своего рода «смысловых репрезентантов», с компонентами которых входят во взаимодействие компоненты ЕИ. *Смысловый репрезентант* (далее – СР) можно определить как содержательный компонент текста, представляющий собой единицу, имеющую в своем составе в относительно концентрированном виде некий текстовый смысл, готовый к взаимодействию со смыслом ЕИ. СР содержат в себе семанти-

ческие маркеры – эксплицитные, представленные значениями конкретных лексических единиц, формирующими и репрезентирующими смысл, и имплицитные – выводимые из общего содержания СР.

Процесс приращения смысла осуществляется, по-видимому, на двух уровнях: 1) *на уровне значений*; 2) *на уровне смыслов*. Вследствие этого, в общем ТС необходимо выделять две стороны: собственно смысл как целостное явление и структуру значений. Смысл вырастает из структуры значений. Структура значений зависит от естественного и важного свойства дискурса, состоящего в последовательном, линейном развертывании, основанном на объективной невозможности произнесения одновременно двух слов [3]. Поскольку научные тексты, как правило, монотематичны [6], в структуре значений можно выделить «ось» значений – систему ключевых концептуально значимых значений последовательно разворачивающихся в тексте согласно линейной организации дискурса. Дискурсивные закономерности научного дискурса оформляют структуру значений таким образом, что данная структура (ее основа, «ось») приобретает очевидную и явно выраженную установку на восприятие и интерпретацию. Конечно, большая сложность рассматриваемых в научных текстах проблем существенно затрудняет подобный анализ. Попробуем привести пример из научного текста: «Не случайно заповеди (они, как и предсказания судьбы, часто выражаются будущим временем) называют **вечными истинами**. Анализируя понятие истины в контексте разных культур, П. А. Флоренский отметил, что «у древних евреев и вообще семитов в **“истине”** запечатлен момент **исторический** или теократический. **Истинно** для них Слово Божие благодаря его **неотменимости**, надежности» [1, с. 303]. В данном примере в части, принадлежащей принимающему тексту, выделен семантический маркер, соотносимый с общим ТС и находящийся соответствия в ЕИ – семантически близкие компоненты. По-видимому, именно семантические маркеры, нашедшие соответствия в семантически близких компонентах цитаты, определяют выбор смысловой нагрузки ЕИ. Аспекты смысловой нагрузки ЕИ, находящиеся в соотношении с аспектами общего ТС принимающего текста, в данном случае входят в содержание понятия «приращение смысла». Данное соотношение определяется их соположением в текстовом пространстве согласно линейности дискурса. Само соотношение может иметь три основных вида: параллельное, интегративное и критическое. Описание интертекстуальности в подобном ключе, как кажется, может представить авторский аспект применительно к данному явлению.

Литература

1. Арутюнова, Н.Д. Истина и судьба / Н.Д. Арутюнова // Понятие судьбы в контексте разных культур. – М., 1994. – С. 302 – 316.
2. Ахманова, О.С. Словарь лингвистических терминов / О.С. Ахманова. – М., 1969.
3. Борботько, В.Г. Принципы формирования дискурса: От психолингвистики к лингвосинергетике / В.Г. Борботько. – М., 2011.

4. Гречко, В.А. Теория языкознания / В.А. Гречко. – М., 2003.
5. Матвеева, Т.В. Полный словарь лингвистических терминов / Т.В. Матвеева. – Ростов н/Д., 2010.
6. Разинкина Н.М. Функциональная стилистика / Н.М. Разинкина. – М., 2004.
7. Стилистический энциклопедический словарь русского языка / под ред. М.Н. Кожинной. – М., 2006.
8. Чернявская, В.Е. Интерпретация научного текста / В.Е. Чернявская. – СПб., 2004.

9. Чернявская, В.Е. Лингвистика текста: Поликодовость, интертекстуальность, интердискурсивность / В.Е. Чернявская. – М., 2009.
10. Энциклопедия эпистемологии и философии науки / гл. ред. И.Т. Касавин. – М., 2009.
11. Языкознание. Большой энциклопедический словарь / гл. ред. В.Н. Ярцева. – М., 1998.

УДК 81

А.В. Чернов

ВОЗМОЖНА ЛИ МЕДИАРЕГИОНАЛИСТИКА КАК СПЕЦИАЛЬНАЯ ОБЛАСТЬ ИССЛЕДОВАНИЙ МАССМЕДИА?

Данная статья – попытка постановки вопроса о выделении специальной проблемной области в современных российских исследованиях массмедиа – медиарегионалистики. Выделение этой проблемной области, с точки зрения автора, логичный и обоснованный шаг, соответствующий, с одной стороны, логике научного понимания современной системы массмедиа, с другой – логике развития смежных областей гуманитарного и социо-гуманитарного знания. Понимание специфики регионального медиопроизводства и медиапотребления важно не только для понимания процессов массмедиа, но для исследования, оценки ключевых социально-экономических характеристик региона.

Медиарегионалистика, территориальное медиаповедение, медиасистемы, медиатизация.

The paper attempts to touch upon the question of highlighting the special problem in the contemporary Russian research of mass media - media regional studies. The problem area corresponds on the one hand to the logic of scientific understanding of the modern system of mass media, on the other hand to the logic of the adjacent areas of humanitarian and socio-humanitarian knowledge. Understanding the specifics of the regional media production and media consumption is important not only for understanding the process of mass media but for studying and assessment of the key socio-economic characteristics of the region.

Media regional studies, territorial media behavior, media systems, mediatization.

Изменения роли, места, функций, самой «природы» массмедиа в современном российском обществе имеют многочисленные социальные последствия. Эти последствия пока выявлены, классифицированы и описаны далеко не полностью. Внимание к различным из них неодинаково: некоторые оказываются в центре, другие – на периферии исследовательского внимания. Это вполне объяснимо, так как трансформационные процессы предполагают и смену акцентов, и смену приоритетов, и смену привычных иерархий. В отношении многих актуальных феноменов пока можно сказать, что мы их скорее интуитивно ощущаем, иногда дискурсивно «помечаем», нежели аналитически исследуем. Об одном из таких феноменов, точнее – предметной области, актуальность которой ощущается всеми, но язык описания которой, как и аналитический инструментарий, находятся еще в стадии оформления и пойдет речь далее. Имеется в виду привлечение внимания к социальным феноменам, возникающим вследствие влияния медиа, реализуемым через медиа, транслируемым посредством медиа, иными словами, социальным феноменам, растворенным в медиа, и в то же время обладающим высоким уровнем территориальной локализации. Своеобразный свод различных актуальных подходов к проблеме представлен в недавнем сбор-

нике «Регионы в российском медиапространстве» [12].

Очевидно, что предложение новой дефиниции с префиксом «медиа» не может не вызвать некоторой настороженности. «Предпарадигмальное» состояние современной науки о массмедиа привело к появлению большого количества отдельных исследовательских направлений, предметно – типологически объединяемых «медиа»: медиапсихология, медиалингвистика, медиаэкономика, медиаменеджмент, медиаобразование и т.д. Поэтому, предпринимая попытку предложить еще одну «медиадефиницию», приходится вспоминать классический принцип Оккама, предписывающий «не множить сущее без необходимости».

Оправдание нового термина связано с признанием исчерпанности существующего терминологического аппарата, его неэффективности в отношении описания и объяснения новых реалий. Можно ли говорить об этом в отношении социальных последствий новых медиареалий для регионов, признавая, что уже имеющийся в наличии понятийный аппарат не позволяет описать реально существующую проблему или решить исследовательскую задачу. Конечно, только отчасти и только в том аспекте, о котором идет речь – изменений территориального поведения россиян.